111989

7 3 6

ТУ-19-241-82

8

N 1 6

студия
ДИАФИЛЬМ

08-3-036

В. Коржиков

„Онкель" Федя

Художник
Б. Гущин

Поздней осенью наш теплоход стоял в маленьком японском порту.

Я стоял на причале и подновлял чернью потёртый в долгом рейсе борт нашего теплохода.

Иногда на корму стоявшего рядом немецкого танкера выбегал глотнуть свежего воздуха высокий седой повар. Он перегибался через борт, осматривал мою работу и показывал большой палец: «Гут! Хорошо!»

Мой приятель Федя, дежуривший у трапа, пожимал плечами, словно бы говорил: «Подумаешь, что такого! Обыкновенно...» Особенного, конечно, в моей работе ничего не было. Работа как работа.

Неподалёку от меня расположились со своими красками и альбомами японские ребятишки. Они рисовали море, острова, корабли...

Неожиданно ветер посвежел, расходился. О причал стали биться могучие волны. Я подхватил свой малярный инструмент: красить по мокрому не годится.

Засобирались и японские ребятишки. Лишь один, посмелей, задержался — рисовать бурлящие волны. 8

И вдруг заскрежетали тросы, корабли потянуло вверх, и с налёту—будто садануло из пушки—в берег ударила мощная волна.

Накрывая пеной причал, она прошла по всему порту, покатилась назад—и маленький японец, потянувшись за плывущим альбомом, скатился с потоком вниз.

С криками, бросив работу, высыпали на берег японские грузчики. Я кинулся к трапу.

По корме немецкого танкера, сбрасывая куртку и готовясь к прыжку, бежал повар: «Беда! Аврал!»

И тут с нашей кормы, мелькнув, пролетело что-то чёрное, ушло в волны. Я едва успел заметить: это же Федя! Его чёрный свитерок!

Он вошёл в воду мгновенно. У меня пронеслось в голове: он же не умеет плавать!

Но тут из студёной глубины вынырнула, отфыркиваясь, одна голова, за ней выплыла вторая, с чёрными испуганными глазёнками...

А через несколько минут грузчики уже хлопотали вокруг мальчишки, шлёпали по спине Федю: «Спасибо!»

Ветер как налетел, так и пропал. Волнение улеглось. Быстро спустился осенний вечер. Закачались над морем звёзды. Засветились огни на кораблях.

Я стоял на вахте и отвечал приходившим благодарить японцам, что товарищ, который спас их мальчика, крепко спит. Японцы улыбались и понимающе кивали головами.

Но вот кончился этот тревожный день. И тогда со стороны танкера послышались твёрдые шаги. К нашему трапу направлялся немецкий повар.

Он тоже спросил, где наш товарищ. Он хотел бы сказать ему, что сам думал нырнуть за мальчиком, но не успел. Наш товарищ оказался быстрее. И смелее! Я сказал: «Спит Федя». — «Федя! — переспросил немец. — Онкель Федя! Дядя Федя!»

И рассказал историю, которая произошла с ним в детстве. Целую неделю в их городке шёл бой. Страшный бой! Такой, что разлетались от взрывов дома! И все, кто мог, прятались в глубоких подвалах.

Целую неделю они с братишкой сидели в темноте, без крошки во рту. И никому наверху не было до них дела.

А потом прогрохотали танки, пробежали солдаты, и стало тихо. Так тихо, будто город вымер и на земле не осталось людей.

Но вот зацокали копыта, заскрипели колёса. Запахло борщом и хлебом. На площадь выехала русская полевая кухня, на которой сидел солдат с медалью на груди.

И сразу его окружили дети. Целая площадь детей! С мисками, кастрюлями, банками. И солдат, дядя Федя, открыл котёл и стал наливать всем дымящийся борщ.

Они с братом тоже подошли. Но у них не было посуды. И тогда онкель Федя, дядя Федя, достал свою миску и, налив до самого верха, протянул им с вкусным—ох каким вкусным!—куском хлеба...

«Онкель был совсем маленьким,—повар задержал у груди руку, показывая, каким маленьким был солдат дядя Федя,—но борща и хлеба у онкеля Феди хватило на всех детей...

...Если б не онкель Федя, я бы никогда не стал поваром!—Он улыбнулся и, уже прощаясь, сказал:— Вот хотел угостить вашего товарища. Но Федя спит. Спит онкель Федя».

Вскоре мы покидали порт. Берег ещё спал. Но рыбаки кое-где уже тянули сети.

А на корме немецкого танкера стоял пожилой человек. Он опять был в поварской куртке—повара встают рано—и негромко прокричал нам: «Передайте привет онкелю Феде!»

Я кивнул, хотя не очень-то понял, какому онкелю передать привет: нашему Феде или тому, который когда-то чужому мальчишке наполнил миску щедрым солдатским борщом. Скорее всего — обоим.

За бортом дымилась на морозце вода. Городок ещё не проснулся. И в одном из его домов спал японский мальчишка, у которого тоже был теперь свой Федя. Свой дядя Федя.

КОНЕЦ

Художественный редактор
В. ПЛЕВИН
Редактор
Г. ВИТУХНОВСКАЯ

Д-146-88

103062, Москва, Старосадский пер., 7

Цветной 0-30